

Пастырскія замѣтки касательно борьбы съ материализмомъ.

Съ разныхъ сторонъ слышатся нынѣ жалобы на вторженіе къ намъ и распространеніе у насъ грубыхъ материалистическихъ учений. Эти жалобы не отражаются въ нашей литературѣ какою либо серьезною борьбою. Наше пипущее общество, не заинтересованное въ материалистическихъ теоріяхъ, равнодушно проходитъ мимо, когда представители этого направлениія, въ избыткѣ самообольщенія, позволяютъ себѣ излишнее смѣлое гаерство предъ публикою. Холодно довольно смотрѣть на это явленіе и наше духовенство, какъ и наши духовные писатели, между прочимъ въ томъ убѣждениіи, что болѣзнь материализма есть у насъ иѣчто наносное и не представляетъ изъ себя существенной опасности. Навѣянная вѣтромъ съ чужбины современная модная теорія не вошла въ плоть и кровь нашего общественного организма, а находитъ себѣ притонъ на окраинахъ и поверхности нашей общественности. Съ перемѣною вѣтра и моды она изчезнетъ и уступить мѣсто другимъ болѣе здравымъ воззрѣніямъ, оставивъ слѣдыувѣчья въ немногихъ частныхъ организмахъ.

Въ Германіи болѣзнь чувствуется сильнѣе и опасность серьезнѣе. Тамошній материализмъ гораздо существеннѣе нашего, онъ выросъ изъ жизни и коренился въ ней. Размеры его несравненно шире нашихъ. Потому тамъ есть борьба

*

противъ материализма, и въ этой борьбѣ принимаютъ участіе мноія умственныя силы Церковь и духовенство, угрожаемыя напытомъ дерзкаго отрицанія, не сидятъ стола руки, а силою необходимости и собственнаго усердія вызываются на горячій споръ съ материализмомъ, неблагопріятствующимъ церкви, направлениемъ. Дума о томъ, какъ взяться за дѣло, гдѣ искать болѣе надежныхъ средствъ къ успѣшии борьбы съ материалистическими идеями, занимасть тамъ и частныхъ лицъ-пастырей, и цѣльные церковно-общественныя собранія, и возбуждаетъ разнообразные толки. Образцомъ этихъ толковъ можетъ служить для насъ трактатъ «Ueber das seelsorgerische Verfahren gegenüber dem modernen Materialismus», читанный на мейссенской конференціи 19 мая 1862 года Вилле, архидіакономъ лейпцигскимъ¹⁾.

Мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ нимъ нашихъ читателей въ свободномъ переложеніи, и думаемъ, что наши читатели пастыри церкви могутъ воспользоваться иными мыслями Вилле и для своей практики. Кому изъ насъ тамъ и сямъ не приходится встречаться съ сознательными или безсознательными материалистами, которые иногда нарочно вызываютъ служителя религіи на открытое состязаніе или необдуманнымъ ющунствомъ выводятъ его изъ терпѣтиво-спокойного состоянія ступателя въ состояніе горячаго полемиста.

Мы проповѣдуетъ Христа распятаго, іудеемъ убо облазнъ, еллиномъ же безуміе, самимъ же званнымъ Христа, Божію силу и Божію премудростъ.

Въ этихъ словахъ св. апостола Павла выражена съ одной стороны высочайшая задача духовныхъ служителей и различныя дѣятія ихъ проповѣди на сердца человѣческія, съ другой сто-

¹⁾ Abgedruckt in Kichenzitung. Juli 1862 № 53, 54, 57 и 58

роны довольно ясно обозначена сила, тьмы и противоречія, которая вездѣ проповѣди евангелія противопоставляетъ невѣріе и сердечное ожесточеніе естественнаго человѣка. Мы живемъ среди царства Божія, высочайшею цѣллю котораго служить оправданіе грѣшника чрезъ вѣру въ Иисуса Христа, и церковь, питающая насъ, постоянно приглашаетъ насъ приносить Богу жертвы чистыя и духовныя, и въ то время, какъ мы стараемся возносить по мѣрѣ силь своихъ хвалу нашему Искупителю,— нашъ голосъ заглушается нестройными криками озмѣнившагося представленія. Среди церкви хочетъ занять видное мѣсто материализмъ, не желающій знать ничего духовнаго, и тѣсно связанный съ пантегиономъ, атеизмомъ и фатализмомъ. Въ немъ совмѣщаются теперь всѣ частные явленія противоречія, какія возбуждаются на землѣ истина Божія. Этаотъ врагъ истины очень древенъ, древнѣе даже, чѣмъ христіанская церковь; потому что владычество материальное ведеть начало съ самаго паденія человѣка. Еще съ тѣхъ поръ начало преобладать въ душѣ человѣческой такъ называемое «мировое» начало, которое и вступило въ открытое противленіе началу святому и божественному. Плоды древа познанія добра и зла, которыми соблазнился Адамъ, возвмѣтавши сдѣлаться равнымъ Богу, привлекаютъ и до сихъ поръ взоры надішаго человѣчества. Кто не знаетъ, какъ въ естественной жизни человѣка постоянно владычествовали низшія человѣческія стремленія и чувственныя желанія? Кто не замѣчалъ въ духовной жизни человѣчества перевѣса мірозданія предъ богознаніемъ? Кто наоненецъ не видѣть, что и въ правственномъ отношеніи ложное человѣческое самоуправленіе старается противиться истинному богоуправленію? И мы не удивляемся, если на почвѣ правственной природы нашего человѣка материализмъ пустилъ глубокіе корни, если онъ, какъ учитъ исторія, (въ миѳології, поэзіи и эпікуреизмѣ язычества и саддукеизмѣ іудейства) постепенно старался приблизиться

къ самостоительной философской системѣ, и принять опредѣленную форму систематического миросозерцанія Но вотъ да же и тамъ, гдѣ виденъ полный божественный свѣтъ, вы видите прежня гемныя возврѣныя Древнія та же только перемѣнила свое положение, и съ новою силою и хитростью ищетъ своей добычи. Дѣствую въ сенсуализмѣ и ватытеріализмѣ 18 вѣка, преобладающи въ пангеизмѣ и материализмѣ нашего времени, она своимъ дерзкимъ отрицаніемъ всего божественнаго возвасла на конеца до той степени могущества, которое заставляетъ сѣ трусить задуматься надъ современнымъ умственнымъ настроениемъ всякаго друга человѣчества При гакомъ положеніи дѣль, ужечи мы закроемъ глаза обѣими руками, и, предавшись ложной безопасноти, не обратимъ никакого вниманія на враждебное вѣрѣ направление? Или ужели съ тордымъ презрѣніемъ врача и въ сѣнкопѣ увѣренности на божественную силу, побѣждающую миръ, мы спокойно положимъ руки на грудь, и будемъ надѣяться, что сидящіи на престолѣ не дастъ на конечное попраніе святої истины? По первое было бы безуміемъ, а второе малодушіемъ и преступлениемъ На насть, членахъ и служителяхъ церкви, лежитъ важная обязанность— быть хранителями ея исповѣданія и спасительныхъ благъ, мы должны смою смотрѣть въ глаза всякому врагу, должны тщательно знакомиться съ тухомъ и содерѣніемъ времени чтобы знать съ тѣмъ намъ приходится имѣть дѣло, и въ тоже время должны оотче и сotѣ просвѣщать себя Духомъ Божиимъ, чтобы быть смиренными и искусными борцами за дѣю вѣры Христовой

Въ этихъ видахъ мы хотимъ дать понятіе о новомъ материализмѣ, царскими чертами охарактеризовать его, и погомъ указать вѣ средсвія, какими можно противъ него пользоваться

Желая дать понятіе о новѣишающемъ материализмѣ, мы думаемъ прежде всего указать два момента: 1) его ученое зна-

ченіе и направлениe, 2) его практическое стремленіе. Первое—его слабѣйшая сторона, а послѣднее—сильнѣйшая. Существенное отличіе новѣйшаго материализма отъ материализма прежнихъ временъ состоить въ томъ, что онъ, почти уклоняясь отъ философскихъ доказательствъ и ученаго изложенія, преимущественно на основаніи новѣйшихъ результатовъ естествознанія образовался въ такое міросозерцаніе, которое не только враждебно христіанской жизни, но и совершенно уничтожаетъ ее. Его природа состоить въ отрицаніи всего божественнаго и духовнаго. Всѣ важнѣйшиe предметы: самостоятельную душевную субстанцію въ человѣкѣ, личнаго Бога, личное міроуправлениe Божіе, нравственную свободу человѣка, его индивидуальное продолженіе по смерти,—все старается онъ объяснить какъ «фантомъ»; и таikъ вообще чувственное наблюденіе, по его системѣ, служитъ единственнымъ источникомъ истиннаго вѣданія, то онъ стремится ограничить назначеніе человѣка только земнымъ и временнымъ. Для философской критики быль бы не очень тяжелый трудъ—основательно опровергнуть материализмъ въ его теоріи; не трудно было бы обличить его въ шаткости, внутреннихъ противорѣчіяхъ, въ его безсиліи решить высочайшія проблемы знанія, въ его послѣдовательномъ движениi къ нигилизму, въ его дерзкихъ претензіяхъ признавать только электрически-чувственное единственнымъ и истиннымъ предметомъ знанія. Это и сдѣлали напр. Шаллеръ въ своемъ сочиненіи: «тѣло и душа» (Leib und Seele), и Фихте въ своемъ антропологическомъ сочиненіи: «ученіе о человѣческой душѣ» (Die Lehre von der menschlichen Seele). Но за то въ практическихъ областяхъ жизни господство материализма приняло слишкомъ большие размѣры. Было время, когда богословская наука находилась въ служеніи рационализму, уничтожавшему все положительно-христіанское, но народъ не преставалъ пытаться отъ богатаго наслѣдства, переданного святыми отцами. Теперь

напротивъ, богословская наука сдѣлалась гораздо болѣе вѣрюющею, по вѣ народѣ со всею силою появляется антирелигіозный духъ, при которомъ онъ отводить взоры свои отъ христіанства. Кому неизвѣстно, какъ у большинства нашихъ современниковъ поденная работа, наслажденіе, промыселъ не только подавили всѣ высшіе духовные интересы, но и совершили ихъ уничтожили? Кому неизвѣстно, какъ тысячи тысячъ удаляются отъ церкви и ся исповѣданія, потому-что считаютъ себя выше того, чтобы пользоваться руководствомъ паstryрей и вѣрить старымъ толкамъ о безсмертіи и судѣ? Общая симпатія громкимъ грикомъ сочувствія воодушевляетъ тѣхъ, которые проповѣдуютъ золотой вѣкъ чувственности, которые, подобно Бюхнеру, предсказываютъ, что скоро не будетъ болѣе «голода и казней, а потребность каждого человѣка сдѣлается мѣрою его права»? Подобныхъ цѣлей матеріализмъ не могъ достигнуть однимъ распространеніемъ и объясненіемъ философскихъ ідей вѣ народѣ. Что подумалъ бы народъ, когда бы предъ нимъ происхожденіе міра съ его жизненой полнотой и жизненнымъ разнообразіемъ объясняли только изъ дѣйствія и воздействиа матеріальныхъ атомовъ, когда бы все духовное приписывали только качественному проявленію матеріи и совершили отрицали присутствіе высшаго духовнаго идеального вѣ тѣлесномъ быті! Легіоны поклонниковъ были приведены къ матеріализму преимущественно его практическими тенденціями. Всѣмъ правилась его проповѣдь о соціализмѣ и коммунизмѣ; всѣхъ ослѣпляль его идолъ эманципації плоти, котораго онъ хотѣлъ поставить на гробъ вѣры и божественнаго авторитета. Его сила и значеніе, какъ показываетъ Веберъ вѣ своемъ сочиненіи: «новѣйшее обоготвореніе матеріи» (Die neueste Vergötterung des Stoffes), не вѣ его теоретической, убѣдительной доказательности, а единственно вѣ плотскомъ расположеніи человѣка. Не доказываетъ ли опытъ всѣхъ

временъ, что естественный человѣкъ ни на что такъ скоро не соглашается, какъ на то, что льстить его плоти? Но что же можетъ льстить ей болѣе, какъ не та точка зреїнїя, которая хочетъ уничтожить всякую высшую божественную истину, отрицаетъ личнаго Бога, индивидуальную жизнь по смерти и правственную вмѣняемость человѣческихъ дѣйствій и тѣмъ открываетъ полный просторъ всѣмъ чувственнымъ пожеланіямъ?

И мы не должны скрывать отъ себя того, что эта власть материализма гораздо обширенѣе, нежели какъ многіе думаютъ, она не есть опасность одной какой либо церкви, но всѣ христіанскіе государства и народы подвержены ей. Въ соединенныхъ штатахъ сѣверной Америки проповѣднико Кэстеръ, на пространствѣ отъ 6 до 7 нѣмецкихъ миль, нашелъ 2000 нѣмецкихъ фамилій, которая жили безъ церкви и училища,— и между ними небыло недостатка въ такихъ людяхъ, которые открыто признавались, что они не бесполоятся о таинствахъ предмстахъ, какъ церковь, проповѣдь, таинства; много приобрѣтать и наслаждаться—вотъ ихъ религія! А у насть въ Европѣ развѣ лучше?

Развѣ мы не видимъ, съ какою силою въ послѣднія тридцать лѣтъ во всѣхъ почти мѣстахъ всѣмъ овладѣваетъ страсть къ материально-эвдемонистическому? И потому не должны ли къ намъ относиться грозныя слова Господни: *вы мнози, лице небесе и земли умьете разсуждати, знаменій же временомъ не можете искусити?*

Какимъ же образомъ могъ материализмъ среди церкви возрасти до такого угрожающаго потока? Мы не можемъ здѣсь уклониться отъ вопроса о происхождении этого бѣдствія, и должны вспомнить о тѣхъ дѣятеляхъ, которые соединенными усилиями дѣйствовали въ этомъ направленіи въ области церковно-религіозной, ученой политической, коммерческой и промышленной.

Замѣчательнымъ и потому не совсѣмъ недостойнымъ вниманія представляется прежде всего то наблюденіе, «что многія явленія материализма, какъ въ церковной такъ и политической области, имѣютъ связь съ началами протестантизма. Сколько ни говорять въ защиту этого вѣроученія, но въ немъ есть нечто благопріятствующее материализму. Положимъ, что материализмъ существовалъ и до реформаціи, припомнимъ и то, что если теизмъ, выросъ на почвѣ протестантской Англіи, то вульгарный сенсуализмъ явился изъ нѣдра Франціи, и согласимся съ тѣмъ заключеніемъ, что извращенность человѣческаго сердца всѣ начала можетъ довести до противоположной крайности. Но этимъ заключеніемъ оправдываемъ ли мы самый протестантизмъ, своими началами и фактами облегчающій путь въ церковь материалистическимъ воззрѣніямъ? Указывая различіе между ложнымъ и законнымъ авторитетомъ, между авторитетомъ средневѣковой церкви и авторитетомъ положительной истины св. Писанія, не давали ли вмѣстѣ съ этимъ каждому человѣку права и обязанности все решать по своему, и не предоставили ли священнаго содержанія вѣры во власть субъективнаго произвола? Освобожденная отъ ига ложнаго человѣческаго авторитета, субъективность не съумѣла сдержать себя въ своихъ предѣлахъ, и захотѣла эмансираціи человѣка отъ всякой божественной истины, и духъ абсолютной оппозиціи и отрицанія противъ всего положительного въ религії, повѣяль и въ ученыхъ и въ неученыхъ сочиненіяхъ, на каѳедрахъ университетскихъ и церковныхъ, и въ немъ видѣли духъ истиннаго протестантизма и современаго прогресса. Какъ въ философіи, такъ и въ богословіи съ замѣтною быстротою утвердились *верховная автономія* человѣческаго духа, и протестъ многихъ защитниковъ истиннаго христіанства противъ обогаторенія человѣческаго разума оставался безсильнымъ.

Нельзя не обвинять во вторыхъ и того направлениі, которое, безъ сомнѣнія въ слѣдствіе философскихъ созерцаній, за какихъ нибудь сто лѣтъ назадъ принялъ естественная наука. Прежніе математики и физики, Коперникъ, Кеплеръ, Ньютона, даже философъ Лейбницъ, зоологъ Линней, физіотогъ Галлеръ со всею свободою предавались естественнымъ изслѣдованіямъ; но никогда не оставляли безъ вниманія откровеній религіи, и умѣли соглашать свои опыты съ положительными истинами христіанства. Но естествознаніе новѣйшее совершенно не хочетъ помнить Баконова положенія: *natura obiter libata abducit a scriptura; penitus hausta reducit ad eandem.* Оно, при всей поверхности своей, съ удивительною дерзостію доказываетъ исключительную правду и состоятельность только своего вѣданія, основывающагося на чувственномъ наблюденіи, и систематически ведетъ войну противъ основныхъ истинъ христіанства и наконецъ совершеннымъ отрицаніемъ человѣческой души, которой еще не открылъ ни одинъ ланцетъ естествоиспытателя, дѣлающаго секцію, разрушаетъ основаніе всякой религіозной жизни и всякаго вѣрованія. Мало этого, невѣрюющее естествознаніе съ безпримѣрными усилиями старается сдѣлать известными повсюду свои не твердые результаты изданіемъ разнаго рода популярныхъ сочиненій. И его поддерживаетъ вся литература молодой Германіи, которая готова не зрѣлыя мысли материализма влить въ плоть и кровь новаго поколѣнія, не слишкомъ твердо знающаго христіанство.

Наконецъ есть третій дѣятель, который можетъ быть наиболѣе способствуетъ популяризаціи материализма. Это поистинѣ возбуждающее удивленіе «развитіе» вицѣнной культуры и вицѣнняго благосостоянія, торговли и средствъ сообщенія, промышленности и промышленныхъ предпріятій. Кто не удивится безчисленному множеству новыхъ открытій и техническихъ изобрѣтеній человѣческаго разума въ новѣйшее время! Но эти

открытія, несмотря на ихъ высокое доскоинство, по крайней мѣрѣ въ массѣ народа служатъ побужденіями и средствами для возможно-большаго удовлетворенія страсти къ пріобрѣтенію и выигрышу, удовольствію и счастію житейскому. И радуясь объ успѣхѣ науки, искусства и промышленности вообще, мы не можемъ не жалѣть о ноработанномъ человѣческомъ чувствѣ, съ которымъ тысячи христіанъ забываютъ высшее для низшаго, и дѣлаютъ «чрево своимъ богомъ».

Человѣкъ благочестивый имѣть много причинъ скорбѣть, когда онъ видѣтъ, какъ новое материалистическое ученіе, еще никѣмъ не доказанное, не только излагается догматически, но и проникаетъ въ плоть и кровь мало думающаго народа, или когда читаєтъ сочиненія Метри, Молешотта, Карла Фогта, Людовика Бюхнера и многихъ другихъ! Въ самомъ дѣлѣ, каково читать у Метри человѣку религіозному: «счастіе есть право каждаго человѣка, и «оно принадлежитъ равно какъ порочному такъ и добродѣтельному человѣку. Удовольствіе любви, самосътно раздраженіе «чувствъ есть наше единственное благо; оно одно, хотя бы «человѣкъ не пользовался честію и одобреніемъ людей, дѣлаетъ «насъ счастливыми. Недантство, добродѣтель не должны препятствовать использовать этимъ благомъ, потому-что добро-дѣтель есть пустая мечта, искусственная выдумка, неестественный нарость въ человѣчествѣ. Раскаяніе должно быть изгнано «изъ мыслей; нескончайную совѣсть, плодъ полученныхъ въ «дѣствїи ударовъ и предразсудковъ, нужно насильно заглушать «до тѣхъ поръ, пока она не въ состояніи будетъ болѣе «вѣщать».

Полагаемъ, что сказанаго достаточно для того чтобы составить понятіе о материализмѣ и возбудить въ себѣ желаніе подумать о томъ, какія надобно употреблять средства для противодѣйствія ему.

Ясно, что при этомъ вопросъ не можетъ быть рѣчи объ извѣстныхъ насильственныхъ и официальныхъ средствахъ, не можетъ быть мысли о радикальномъ способѣ излеченія. Болѣзнь времени нельзя лечить по одному давнему рецепту; врага сильного и многочисленнаго нельзя сразить однимъ ударомъ. Что въ продолженіи столѣтій возрастало на нивѣ церкви, подобно плевеламъ между инеицей, то успѣло далеко разрастись и пустить корень. Стѣдовательно не инквизиторскій деспотический судъ здѣсь нуженъ, а нужны продолжительная усилія пастырій, которыхъ могли бы эти плевели очистить и облагородить; словомъ, нуженъ внутренній, миссіонерскій трудъ церкви. Этотъ трудъ можетъ быть двоякаго рода. Какъ при господствующихъ эпидеміяхъ въ физическомъ мірѣ, искусные врачи стараются не только спасать больныхъ, но и сохранять здоровыхъ отъ заразительной міазмы: такъ и при распространеніи духовныхъ болѣзней на пастыряхъ церкви лежитъ обязанность оказывать помощь не только уже отравленмъ, но и тѣмъ, кому угрожаетъ отпаденіе.

Рассматривая материализмъ какъ духъ времени, нельзя незамѣтить, что онъ есть центральная противоположность христианству и церкви, и потому надобно действовать на чѣго изъ центра божественной Спасительной проповѣди. Конечно, могутъ быть полезны при этомъ и другія средства; но во всякомъ случаѣ одной буквы закона недостаточно. Если справедливо, что повѣйшій материализмъ величайшую силу имѣть въ антихристіанскомъ направленіи воли нашего времени, то полезно силою святой воли Божіей и его спасительныхъ откровеній преломлять упорную волю человѣческую, и если проповѣдію о покаяніи и прощеніи грѣховъ во имя Иисуса Христа добродѣтель водворяется и освящается, то безспорно, что эта проповѣдь можетъ быть самымъ сильнымъ оружиемъ защиты отъ опаснаго для души материализма. Рассказываютъ, что когда

нѣмцы въ языческой Курляндіи основали городъ Ригу и устроили тамъ церковь, то случилось однажды, что языческіе туземцы съ кровожадностію напали на юный городъ, такъ что христіанскіе колонисты не въ состояніи были противостоять имъ. Не зная, на что рѣшиться, нѣкоторые изъ нихъ побѣжали на колокольню своей церкви, и Духъ Божій внушилъ имъ зазвонить во всѣ колокола. И этотъ поступокъ былъ единственою причиною спасенія города. При звонѣ колоколовъ страхъ овладѣлъ язычниками, и они побѣжали съ крикомъ: «идеть гремящій Богъ христіанскій». Такъ и теперь. Звукъ одушевленной проповѣди истиннаго евангелія есть самое лучшее средство для прогнанія всѣхъ враговъ, и слѣдовательно и новѣйшаго материализма. Надобно только знать, какъ пользоваться оружиемъ слова Божія для успѣшнѣйшаго отраженія материализма нашего времени. Поелику новѣйшій материализмъ является въ различныхъ, но опредѣленныхъ формахъ, то и пастырская дѣятельность должна быть направлена по преимуществу противъ этихъ опредѣленныхъ пунктовъ. Материализмъ или отрицаетъ авторитетъ св. Писанія, или отвергаетъ божественное міроправленіе, или недопускаетъ въ человѣка существованія души, могущей жить и безъ тѣла и т. п. Такъ же разнообразна должна быть и дѣятельность пастыря, желающаго противупоставить этому ученію истинное.

Всѣ вѣрующіе болѣе или менѣе находятся подъ вліяніемъ духа времени. Въ мірѣ очень рѣдки основательно-образованные материалисты; но мы всегда можемъ встрѣтить такихъ людей, которые по мыслямъ кажутся христіанами, но въ практикѣ материалисты, или же напротивъ— только теоретически отрицаютъ христіанскіе доктрины, а ведутъ жизнь довольно согласную съ учениемъ христіанскимъ. Словомъ, огружающіе насъ материалисты суть люди, у которыхъ еще можно находить остатокъ христіанства. При этомъ пастыри церкви съ особен-

кою заботливостію должны стараться о распространеніі возможного полнаго познанія основныхъ догматовъ христіанства; и притомъ они должны подтверждать истину этихъ догматовъ живымъ опытомъ, противъ опыта выставлять новый опытъ, и низшую эмпірію чувственного освѣщать высшею эмпіріею внутренней христіанской жизни. «*Небо и земля прейдутъ, слова же Мои не прейдутъ*»,—это слово Господа служить всемірно-историческимъ свидѣтельствомъ измѣняемости всѣхъ человѣческихъ теоремъ, которая своимъ ложнымъ блескомъ только обманываютъ земнаго странника, но скоро или не скоро опять должны погаснуть при свѣтѣ божественной истины. Ученіе христіанское всегда побѣдоносно выходило изъ всякой борьбы, и промыслъ Божій о спасеніи человѣка открывался во всѣхъ событияхъ исторіи, какъ счастливыхъ, такъ и несчастныхъ. Это постоянное чудо божественного домостроительства всегда должно утѣшать и ободрять паствура, какъ самый вѣрный и живой опытъ вѣры. Спросятъ: что же надобно дѣлать, для того, чтобы этотъ опытъ былъ вразумителенъ для каждого невѣрующаго? Каждому паствуру предоставлены власть и средства дѣйствовать на одного тагъ, а на другаго иначе, смотря по состоянію и настроенію душъ; потому-что иногда надобно болѣе дѣйствовать на совѣсть, а иногда большие на умъ. Но паствуру долженъ помнить, что все мы люди и что слѣдовательно есть средства годныя для всякаго, есть правила опредѣленныя и известныя, которыя надобно употреблять противъ материализма. Первымъ изъ такихъ правилъ кажется намъ слѣдующее: «пользуйся остатками вѣры». Ибо весьма естественно открывать скрытое, и поднимать упавшее. Даже въ человѣкѣ повидимому певѣрующемъ, въ человѣкѣ теоретически и практически преданномъ материализму, всегда можно отыскать чувствительную сторону, на которую можно съ успѣхомъ дѣйствовать при обращеніи. Въ человѣческомъ сознаніи есть

губою вкоренившееся, по крайней мѣрѣ питаемое изъ дѣлства и совершенно неподвижное, предчувствуя высшей духовно идеальной жизненной сферы; а съ другой стороны каждый изъ насъ боится мысли о вѣчномъ уничтоженіи, и не безъ внутренняго отвращенія приближаетъ ихъ къ своему сознанію, следовательно материализмъ съ своею проповѣдью о всепоглощающей смерти долженъ быть ненавистенъ для сердца человѣческаго.

Для человѣка не очень успокоительно представлять, что родъ человѣческій будетъ вѣчно продолжаться, и самъ онъ тихо есть волна, па вѣли исчезающая въ этомъ потокѣ жизни. Если есть таіе люди, которые видятъ достоинство человѣческой природы въ бессмертіи рода, а въ уничтоженіи отдѣльныхъ лицъ находятъ убѣженіе при мысли о смерти: то такихъ людей очень мало, и то преимущество, которымъ они хвастваютъ, не есть преимущество, а скорѣе есть бесчестіе, потому что они ставятъ себя на одной линіи съ животнымъ, растеніемъ, гамнемъ. Да и самое убѣженіе, почерпаемое изъ мысли объ уничтоженіи отдѣльныхъ лицъ, не имѣть ли тайного основанія въ мученіи совѣсти, въ страхѣ суда и воздаянія по смерти, страхъ весьма естественномъ четовѣку грѣшнику? Итакъ вотъ готъ пунить, котораго пастырь никогда не долженъ оставлять безъ вниманія! т. е. онъ обязанъ ясно показать материалисту, что если пѣтъ Бога, нѣтъ бессмертія, го жизнь наша навсегда останется неразрѣшенной загадкой.

Спроси же себя ты, который смогриши на человѣка какъ на кусокъ матеріи, какъ на живую машину: «дѣйствительно ли твоя мысль согласуется съ твоимъ внутреннимъ состояніемъ, твоимъ глубочайшимъ самосознаніемъ? Помысли о твоей смерти, пойди на свѣжую могилу любезныхъ твоему сердцу, и, если еще блеститъ слеза на твоихъ глазахъ, преслѣдуй эту слезу до таинственной глубины сердца, гдѣ она родилась изъ воіны чувствованія; наб подай за внутренними движеніями и

дѣйствіями воли; разсмотри свое внутреннее стремленіе къ высшимъ, по здѣсь недостижимымъ жизненнымъ идеаламъ, которые независимы отъ виѣшняго міра,— и скажи, дѣйствительно ли ты находишь полное удовлетвореніе въ мысли объ уничтоженіи себя на вѣки? Ужели все это, твоя любовь и твои страданія, твоя мысль, твои чувства, твои желанія и надежды, и не твои только а и всѣхъ людей, есть не болѣе какъ безсмысленная игра, обманчивая мечта, материальная случайность или необходимость, не болѣе какъ дѣятельность мозговой и нервной системы? Но это страшное заблужденіе! Не замѣчаешь ли ты въ своемъ внутреннемъ существѣ энергического протеста противъ такого несчастного изображенія жизни человѣческой, и этотъ протестъ не служитъ ли указаниемъ на дѣятельность истиннаго духовнаго бытія? О, какъ великимъ и совершенно удовлетворительнымъ является евангеліе съ своею проповѣдью о вѣчной жизни, съ своимъ откровеніемъ о Богѣ, по образу котораго созданъ человѣкъ, и вѣчная любовь котораго совершеннѣйшимъ образомъ открывается въ бессмертныхъ существахъ! Какъ отрадно вѣрить, что надъ нами есть Отецъ небесный, о которомъ мы живемъ, движемся и есмь, и который *не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ!*

Естествознаніе можетъ обольщать своей методой и своими результатами только того, кто смотритъ на предметы поверхности. Человѣческій организмъ, который безспорно есть тѣсное соединеніе души и тѣла, не разъ былъ подвергаемъ самыми усердными изслѣдованіями людей науки. Ученые рассматривали внутреннее устройство его отдѣльныхъ частей, анатомически разрѣзывали, химически раздѣляли ихъ, слѣдили за всѣми электрическими потоками чрезъ мускулы и нервы, но не могли открыть здѣсь всесоединяющей и оживляющей души, и не должны ли они были по этому составить если не полное, то правильное понятіе о душѣ, внутреннимъ образомъ соединенной

съ тѣломъ? Кажется бы *такъ*, а между тѣмъ мы слышимъ иное отъ пресловутой антропологической мудрости новейшей естественной науки. Она стоитъ на зыбкомъ заключеніи: пѣть человѣческой души; потому мы не видимъ ся. Человѣческая душа есть только выраженіе силы матеріи, говоритъ она; потому что матерія условливаетъ внутреннія движения человѣка; условливаетъ, но въ силахъ ли производить ихъ? Какъ же отъ условія заключать въ причинѣ?

Второе настырное правило въ отношеніи къ матеріализму состоить въ томъ, чтобы нападать на его систему, находить въ ней ошибки и грубые противорѣчія. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли безпрекословно вѣрить результатамъ естествознанія, когда эти результаты съ каждымъ днемъ измѣняются, и сегодня учатъ одному, а завтра другому? Слѣдующіе два примѣра достаточно могутъ подтвердить это. Прочитайте систему знаменитаго зоолога Дарвина и сравните ее съ зоономическими письмами также въ своеи области знаменитаго Бурмейстера. Въ отношеніи къ результатамъ вы найдете два диагонально-противоположные взгляда, изъ которыхъ одинъ долженъ быть совершенно ложнымъ, потому-что совершенно исключаетъ другой. Но какой изъ нихъ ложенъ? Обратите вниманіе на борьбу между центуризмомъ и вулканизмомъ — не все ли шатко, невѣрно и полно противорѣчій? И на этихъ таѣхъ невѣрныхъ результатахъ христіаніе должно основывать свое спасеніе! Для нихъ оно должно пренебрегать животворными истинами евангелія, сохраняемыми въ вѣковой борьбѣ за жизнь и смерть! Естественные науки, изъ бы они не были сильны, не въ состояніи проникнуть въ область сверхъ-чувственнаго, а необходимо должны быть ограничены своими естественными предѣлами, т. е. должны дѣйствовать въ кругу восприемлемаго чувствами. Мы не отвергаемъ, что естествознаніе можетъ указывать законы и дѣятельность силъ заключающихся въ при-

родъ; но чтò служить началомъ этихъ силъ, и гдѣ оно заключается,—это не можетъ быть доступно никакому чувственному наблюдению. Пусть себѣ узнаютъ физіологи, какіе должны быть органы человѣческаго тѣла въ его нормальномъ состояніи, для того, чтобы человѣкъ мыслилъ; но органы ли сами производятъ мышеніе или, наоборотъ, мышленіе человѣка приводятъ въ движение эти органы,—этого неизвестно физіологъ съ своимъ микроскопомъ. Притомъ же надобно замѣтить, что система материалистовъ часто основывается на ложныхъ началахъ. Что напр. можетъ быть неразумѣе, какъ предполагать, что нѣть дѣйствительного бытія кромѣ матеріального, и что слѣдовательно душа есть только функція матеріи? Для чего же постѣ этого материализмъ выдаетъ себя за науку, которая имѣеть претензію познать существо вещей, а противорѣчить всѣмъ другимъ воззрѣніямъ? Почему онъ, если хочетъ остаться вѣрнымъ себѣ, непочитаетъ себя случайнымъ вымысломъ, случайнымъ состояніемъ мозга, которое можетъ снова измѣниться, если внѣшнія впечатлѣнія будутъ иначе дѣйствовать на мозгъ? Почему материализмъ отвергаетъ несогласныя съ нимъ мнѣнія другихъ людей, когда онъ не можетъ знать, какія внѣшнія обстоятельства имѣли вліяніе на мозгъ этихъ людей? Или развѣ это не есть также слишкомъ дерзкое и неразумное предположеніе: поелику душа дѣйствительно связана съ тѣломъ, то слѣдовательно она должна быть тождественна съ тѣломъ? Не тоже ли это самое, что сказать: музыкантъ тождественъ съ своимъ инструментомъ, потому что безъ него не можетъ играть, или солдатъ одно и тоже съ оружіемъ, потому что безъ оружія не можетъ сражаться? Материализмъ развитіе міра и человѣка объясняетъ изъ первобытной матеріи. Но если эта первобытная матерія сознавала себя, то она была чѣмъ то духовнымъ, личнымъ; а если была безсознательна, то какъ безсознательное могло произвести существа, полныя сознанія? Какъ немыслившее могло

*

произвести мыслящія существо, произвести міръ, который стре-
мится къ извѣстнымъ цѣлямъ, въ которомъ замѣчается такой
удивительный порядокъ, такая гармонія? Не ясно ли послѣ
этого, что только одинъ безумный, какъ замѣчаетъ слово Божіе,
можетъ говорить въ сердцѣ своемъ: *нельзя Богъ?* Всѣ
произведенія природы, говорятъ материалисты, имѣютъ начало
и конецъ, являются и исчезаютъ; такова же и судьба человѣка.
Но ужели человѣкъ есть не болѣе какъ произведеніе природы?
Какъ объяснить самосознаніе? Гдѣ заключается сила отличать
себя отъ другихъ, углубляться въ себя и отрѣшаться отъ міра
внѣшняго? Какимъ образомъ возможно, что человѣкъ, несмотря
на различныя представленія и чувствованія, несмотря на измѣ-
неніе какъ тѣлесныхъ такъ и духовныхъ явлений, всегда со-
знаетъ себя однимъ и тѣмъ же существомъ, однимъ и тѣмъ же
я? Откуда происходитъ, что человѣкъ можетъ произвести въ
себѣ настроение совершенно противоположное тому настроению,
которое усиливается произвѣсть природа? Иной наприм. въ
время самыхъ страшныхъ страданій тѣлесныхъ посредствомъ
энергіи своего духа можетъ поставить себя въ состояніе мира
и спокойствія. Какъ объяснить, что человѣкъ, руководимый
высшими нравственными побужденіями, наприм. страхомъ Божіимъ,
любовью, благодарностью, часто жертвуетъ для высшей
идеи своею тѣлесною жизнью и своимъ земнымъ счастіемъ?
Эти и подобные опыты не ясно ли указываютъ на самосто-
тельность жизни и дѣятельности душевной? Иначе, человѣкъ
навсегда останется неразрѣшимой загадкой.

Когда материализмъ отрицає душу, то вмѣстѣ съ этимъ
отрицає свободу воли, и слѣдовательно вмѣнаемость дѣйствій.
Всѣ поступки, будуть ли они хороши или худы, по его си-
стемѣ, имѣютъ не только свое основаніе въ природѣ человѣка,
но и свое право. Наказаніе допускаютъ материалисты только
какъ средство самосохраненія и сохраненія общественного спо-

коиствія. Но если человѣкъ есть не болѣе какъ продуктъ дѣйствующихъ на него причинъ, если онъ никакъ не можетъ освободиться отъ этой всесторонней зависимости отъ нихъ: то вся наша физическая жизнь, всѣ наши желанія и рѣшенія будутъ чѣмъ то необходимымъ, и следовательно по этой системѣ не можетъ быть и рѣчи о нравственной винѣ человѣка.

Изъ этого мы выводимъ третье пастырское правило по отношенію къ дѣйствованію противъ материализма. Оно состоитъ въ томъ, чтобы этотъ философствующій материализмъ съ его въ половину или только повидимому истиннымъ основаніемъ приводить *ad absurdum* посредствомъ опытовъ внутренняго наблюденія; а напротивъ существование воли, свободу ея и нравственную отвѣтственность человѣка доказывать неопровергнутыми фактами внутренняго мышленія, разсужденія и самостоятельнаго рѣшенія. Кто не видитъ, что нелогичнымъ отрицаніемъ человѣческой свободы материализмъ низводить волю и всю дѣятельность воли до простаго естественнаго процесса? Но почитающій дѣятельность воли естественнымъ процессомъ, не только уничтожаетъ свободу дѣйствія, но и самосознаніе дѣйствующаго. Въ такомъ случаѣ рѣшеніе къ дѣйствію будетъ зависѣть только отъ силы внѣшнихъ вліяній, и человѣкъ есть не болѣе какъ машина, движимая естественною силой; въ такомъ случаѣ на мѣсто свободы поставляется естественная необходимость, а съ уничтоженіемъ свободы дѣйствованія уничтожается представленіе, рефлексъ дѣйствующаго, его самосознаніе. Человѣкъ тогда не есть лице сознающее, а есть только пространство, въ которомъ совершается этотъ мнимый естественный процессъ. Паstryр церкви долженъ показать нелѣпость такого образа воззрѣнія; онъ долженъ объяснить, что свободная воля человѣка необходимо основывается на сознаніи и имѣть съ нимъ неразрывную связь. Въ сознаніи человѣка заключается, способность не только отличать себя отъ своихъ

разнообразныхъ побужденийъ и желания, но и дѣлать ихъ предметомъ своего наблюденія, своего размысленія, своей критики, и даже отрѣшаться отъ нихъ. Въ сознаніи человѣка можетъ подчинять свои естественные движения воли известнымъ цѣлямъ и правиламъ, а съ тѣмъ вмѣстъ можетъ противопоставлять себя всѣмъ препятствиямъ, всѣмъ віяніямъ плоти и внѣшняго мира, можетъ сдѣлать то, что никакая власть мира не принудить его дѣйствовать противъ воли, противъ признанныхъ имъ нравственныхъ начальствъ. При такой внутренней дѣятельности мысли и совѣсти, свобода человѣка является борьбою, которая начинается состояниемъ первоначальности и переходитъ въ состояніе самоопредѣленія и рѣшимости. Это внутреннее дѣло человѣческой душевной жизни можетъ быть подтверждаемо и объясняемо стѣдующимъ образомъ. Когда мы разсуждаемъ о дѣйствіяхъ другихъ или о нашихъ собственныхъ,—(а всякий согласится въ истинѣ этого опыта) то всегда начинаемъ предположеніемъ, что мы могли бы и иначе поступить. Если мы разсмотримъ дѣйствие до его исполненія, то оно является для души только какъ *возможное*, а возможное дѣйствие всегда предполагаетъ другое возможное. Или если мы произносимъ сужденіе о дѣйствіи уже совершившемся, то, будегъ ли оно хорошо или дурно, оставляетъ ли памъ спокойствіе или беспокойство, мы всегда имѣемъ тоже сознаніе, т. е. что мы его легко могли бы и оставить; и стѣдовательно никакое дѣйствие не можетъ быть названо абсолютно необходимымъ. Итакъ безъ всякаго сомнѣнія каждому человѣку свойственно сознаніе произвола, какъ состоянія первоначальности, въ которомъ онъ не остается навсегда, по изъ котораго долженъ выдѣлъ посредствомъ свободного самоопредѣленія. Жигейские опыты могутъ объяснить это наилучшимъ образомъ. Представьте себѣ, что какой либо благородный человѣкъ снась несчастнаю учащею отъ смерти. Прѣдѣде, нежели онъ совершилъ это доброе дѣло, онъ имѣлъ

борьбу внутреннюю: онъ бралъ во внимание свою жизнь, свое здоровье, можетъ быть счастіе своего семейства; въ виду опасности онъ даже представлялъ себѣ, что его предпріятіе, по причинѣ множества препятствій, можетъ неудаться. Но онъ слышитъ въ душѣ своей другой голосъ, который говоритъ ему о благородствѣ и богоугодности такого самоожертванія, который напоминаетъ ему, какъ блаженно чувство счасти жизни человѣка съ опасностію собственной жизни. Въ эти минуты внутренняго размышленія благородный поступокъ представляется ему какъ возможность, но въ этой возможности заключается и возможность исполненія. Теперь спрашиваемъ: что заставило благороднаго человѣка привести въ исполненіе это дѣло? Несужели вышнія обстоятельства, опасности и вліянія? На противъ, они долженствовали бы помѣшать такому исполненію. Благородный человѣкъ совершилъ это дѣло не въ сопромъ состояніи безсознательности, механически опредѣленномъ его мозговою системою,—(тогда онъ не могъ бы даже размышлять объ немъ),—но въ ясномъ сознаніи того, что, почему и какъ онъ дѣлаетъ,—словомъ, онъ рѣшился на это дѣло свободно, по нравственнымъ побужденіямъ. Представимъ другон случаи, что кто нибудь сдѣлать обманъ или воровство. Предъ началомъ дѣйствія онъ думалъ о несправедливости, паказаніи, которое его можетъ постигнуть, безчестіи, которое можетъ его встрѣтить; но онъ припоминалъ и тѣ заботы, которыя его мучили, его душѣ представлялось несчастное состояніе жены и дѣтей, и онъ размышлялъ, какъ прекрасно было бы однимъ ударомъ положить конецъ такому несчастію. Дурное дѣло представлялось ему какъ возможность, но въ этой возможности была возможность и неисполненія. Подобные опыты не ясно ли показываютъ, что человѣкъ по собственному произволу можетъ отрѣшиться отъ эгоистическихъ, чувственныхъ побужденій и интересовъ, можетъ

руководиться высшими нравственными идеями и началами? И эта свобода, которой человекъ не можетъ не сознавать, и служить причиною того, что добродѣтель и порокъ должны быть непремѣнно вмѣняемы человѣку.

Но этимъ еще недостигается цѣль, и не кончается дѣло. Для успѣшной борьбы съ материализмомъ необходимо исполнять еще четвертое правило: «переходи отъ общаго къ частному»; доказавъ свободу воли и вмѣняемость поступковъ, стараясь подѣйствовать на совѣсъ материалиста и возбуждай въ немъ искинное желаніе спасенія.

Опытомъ дознано, что общее сознаніе грѣховъ есть чувство неопределеннное, поверхностное, безсильное,— чувство, которое не трогаетъ и не беспокоитъ сердца; даже напротивъ— многие подъ защитою его скрываются отъ нападенія и угрозъ божественного слова. Общее должно имѣть приложеніе къ частному; пастырь долженъ смотрѣть на личное расположеніе каждого материалиста, и сообразно съ этимъ расположеніемъ употреблять такой или другой методъ поведенія съ нимъ.

На этотъ разъ трудно предписать определенные правила, годныя на всякий частный случай. И если можно дать отвѣтъ на вопросъ объ образѣ дѣйствованія по отношенію къ тому или другому частному материалисту, то развѣ по соображенію такого или другаго мѣста, въ какомъ пастырь встрѣчается съ людьми подобнаго настроенія. Здѣсь могутъ быть три случая: пастырь можетъ всрѣтиться съ материалистомъ или въ домѣ материалиста, или въ собственномъ домѣ, или виѣ того и другаго дома.

Кажется, всего труднѣе для пастыря разсуждать съ материалистомъ въ его домѣ. Въ этомъ случаѣ онъ долженъ всячески скрывать то, что пришелъ съ непремѣннымъ намѣреніемъ обратить грѣшника на путь истинный; потому что намѣренное посѣщеніе (если оно извѣстно) доставляетъ не столько пользы,

сколько вреда. Притомъ же на пастырь лежить обязанность напередъ знать, если можно, жизнь и характеръ того материалиста, котораго онъ намѣренъ посѣтить; ибо человѣкъ человѣку рознь, одного можетъ раздражать то, что другому очень приятно слышать.

Трехъ родовъ бываютъ материалисты.

Во первыхъ есть слишкомъ вольные материалисты, дерзкие насмѣшники и лгуны. Противъ такихъ пастырь долженъ показывать пламенную ревность о славѣ Божией, подобно тому, какъ нѣкогда сдѣлалъ Илія съ служителями Баала. Матеріей для этого могутъ быть многочисленныя, даже часто смѣшныя противорѣчія, въ которыхъ вдаются подобного рода люди: наприм. почему они преслѣдуютъ въ другихъ то, что одобряютъ въ себѣ самихъ? Почему недоставляютъ другимъ того, чего требуютъ для себя? Почему наказываютъ своихъ дѣтей за не послушаніе и самоволіе? Если по ихъ ученію, человѣкъ руководится силою и дѣйствіемъ матеріи, если то, что дѣйствуетъ на ихъ мозгъ, должно дѣйствовать и на мозгъ другихъ: то по какому праву они мещутъ молниіи противъ людей иного образа мыслей, наприм. противъ тѣхъ, которые почитаютъ преступленіемъ революцію? Почему они бранятъ своихъ подчиненныхъ за нерадѣніе, когда по ихъ системѣ и несправедливость имѣть свое основаніе и свое право? Почему въ извѣстныхъ случаяхъ трактуютъ о совѣсти и нравственности, почему жалуются на безсовѣстность и безнравственность, когда, по ихъ ученію, нѣтъ въ человѣкѣ ни совѣсти ни добра? Подобная противорѣчія пастырь всегда долженъ поставлять на видъ дерзкому материалисту.

Есть во вторыхъ материалисты индиферентные. Такъ какъ они небеззапокоятъ другихъ въ ихъ взглядахъ и житейскихъ правилахъ, то хотятъ, чтобы и другіе не беспокоили ихъ. Такие люди цѣнятъ выше всего покой; это ихъ *идолъ*. Для подоб-

ныхъ характеровъ всего лучше, если самъ Богъ, потрясеть ихъ иской душевный, если Онъ посытить ихъ или особеннымъ благословенiemъ или особеннымъ наказаниемъ. Иногда настыри въ своихъ публичныхъ проповѣдяхъ, при которыхъ перѣдко присутствуютъ подобные маловѣры, страшнымъ образомъ обнаруживаются противъ нихъ идолемику и описываютъ ихъ такъ ясно, что каждый можетъ указать на нихъ пальцами. Мы должны беречься такого рода филиппики. Кто знаетъ сердце человѣческое, тотъ знаетъ, что прямая нападенія рѣдко ведутъ къ добру, а напротивъ отъ нихъ бываетъ больше вреда, чѣмъ пользы; потому-что подобныя нападенія больше раздражаютъ, чѣмъ потрясаютъ, болѣе возбуждаютъ къ оппозиціи, чѣмъ убѣждаютъ. Нѣть, въ такихъ случаяхъ, будетъ ли это у купѣли крещенія, или у алтаря, или у гроба, пусть настырь изложитъ увлекательно отрадное и крѣпкое исповѣданіе христіанской вѣры и надежды. И чѣмъ менѣе это исповѣданіе будетъ изысканно, чѣмъ оно естественнѣе будетъ истекать изъ внутренняго существа и опыта говорящаго, тѣмъ глубже и сильнѣе проникнетъ въ душу слушателя. Слушатель живо почувствуетъ, что въ важнѣйшия минуты жизни только одно евангеліе Христово можетъ доставить миръ и утѣшеніе, а безъ евангелія человѣкъ не можетъ найти желанного покоя въ цѣломъ мірѣ. Когда настырь надлежащимъ образомъ исполнить обязанность проповѣданія слова Божія, тогда онъ можетъ вступить при случаѣ и въ разговоръ съ самимъ невѣрующимъ. Само собою разумѣется, что настырь отложитъ въ сторону гордость и самочванство, а явится какъ другъ, принимающій сердечное участіе въ судьбѣ собрата.

Есть, въ третьихъ, материалисты безсознательныe. Характеръ такихъ людей образуется въ обществѣ. Тонъ, обычай и правила свѣта дѣлаются ихъ второю природой. Они говорятъ то, что имъ сказано, подражаютъ тому, что замѣчаютъ въ дру-

тихъ; даже, собственно говоря, они и не желаютъ быть невѣрющими, или врагами церкви, потому что не представляютъ нравственной опасности своей целой жизни. Такие люди рѣдко избѣгаютъ общенія съ пастыремъ и церковью; напротивъ, часто приходятъ къ слушанію богослуженія и проповѣди, иноюда го-вѣютъ, приглашаютъ даже пастыря въ свой домъ и вообще живутъ съ нимъ дружески. Въ этомъ случаѣ невозможно предписать пастырю опредѣленныиѣ править. Особенное внимание должно быть обращено на то, что эти люди всеида имѣютъ некоторое основаніе христіанское, по крайней мѣрѣ не имѣютъ сердца прогивающагося вѣрѣ; и потому ладобно пользоваться этимъ основаніемъ. Выборомъ предсловія для своею разговора и яснымъ указаниемъ на вредныя слѣдствія жизни по духу развращеннаго мира, пастырь легко можетъ привести такихъ людей къ сознанию, что виѣшнее дѣло есть только скорлупа, а зерна въ немъ нѣтъ, что при такомъ образѣ жизни могутъ погибнуть благороднѣйшія чувства человека, что на конецъ небреженіе о важнѣйшихъ обязанностяхъ можетъ быть причиною погибели для бессмертной души.

Гораздо легче обязанность пастыря въ томъ случаѣ, когда самъ материалистъ посѣщаетъ его. Будеть ли это посѣщеніе слѣдствіемъ тѣлесныхъ страданий, или внутренняго беспокойства, во всякомъ случаѣ эта Богомъ уготованная почва; въ этомъ посѣщеніи вы можете замѣтать потребность совѣта, свѣта и утѣшения; это уже состояніе внутренняго колебанія. Надобно только хорошо узнать эту чувствительную сторону сердца жаждущаго увѣщанія, и, начавъ съ этого пункта, идти дальше, т. е. надобно не только вообще указывать на писаніе и церковь, но и съ особенною подробностю объяснить, какъ въ евангеліи для особенного несчастія заключается и особенная помощь, какъ противъ всячаго мрака есть особый свѣтъ, какъ

вообще христіанская вѣра можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ на всѣ загадки и вопросы жизни.

Наконецъ пастырь можетъ встрѣтиться съ материалистомъ въ своихъ домовъ, т. е. или въ общественномъ собраніи, или во время прогулки или въ домѣ родныхъ и знакомыхъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ подобные случаи были удобны для разговора обѣ обращеній на путь истинный. Напротивъ, здѣсь лучше молчаніе, чѣмъ разглагольствіе; потому-что при этихъ случаяхъ могутъ быть слушатели маловѣры, и слѣдовательно неудачная попытка обращенія со стороны пастыря можетъ сдѣлаться предметомъ общаго смѣха, который болѣе повредить дѣлу, чѣмъ сколько принесетъ пользы слово. Если же пастырь найдеть необходимымъ и здѣсь сказать что либо противъ дерзкихъ материалистовъ, то пусть онъ не вдается въ длинныя изложенія, пусть не споритъ о предметахъ второстепенныхъ; а обратить вниманіе на главное, т. е. пусть скажетъ что нибудь противъ самообольщенія материалистовъ, противъ ихъ невѣданія въ предметахъ христіанства, противъ ихъ безсознательной вражды къ религії. Опытный пастырь всегда найдеть сказать приличное слово. Эти случаи показываютъ, какъ необходимо пастырю знать систему материалистовъ и въ ея главныхъ основаніяхъ и въ ея проявленіи и въ ея связи съ естественными науками. Научимся обращать противъ материалистовъ то самое оружіе, которымъ они хотятъ дѣйствовать противъ нась. *Будите мудры яко змія,* сказалъ Иисусъ Христосъ. Больныхъ мѣсть въ материализмѣ есть много,—въ каждомъ положеніи ихъ пустой философіи, въ каждой чертѣ ихъ плотскаго образа жизни. Итакъ, мы должны высоко поставить свѣтильникъ евангелія и употребить всю свою энергию для дѣятельности намъ предлежащей; свѣтъ слова Божія восторжествуетъ надъ человѣческимъ мракомъ тѣмъ вѣриѣ, чѣмъ опредѣленнѣе мы начнемъ наше

посланничество съ самыи строгимъ самоиспытаніемъ. Будемъ увѣрены, что церковь стоитъ твердо, такъ что и *врата адова не одолъютъ ей*. Много тѣхъ, которые противъ насъ, но еще больше тѣхъ, которые съ нами.

